

УДК 378

ББК 72

*А.Э. Анисимова
Кандидат культурологии*

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ АЗИИ

В современном мире имидж университета во многом зависит от той позиции, которую он занимает в мировых рейтингах. Многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона активно включились в борьбу за лучшие места в рейтингах. Свою заинтересованность в лучших результатах демонстрирует в последнее время и Россия. В статье анализируются как позитивные, так и негативные стороны «рейтингования» для развития университетов. Например, оно может нанести вред так называемым университетам регионального значения или университетам не исследовательского толка. Поднимается вопрос о соотношении преподавательской и исследовательской деятельности в современных университетах разного уровня.

Ключевые слова: высшее образование, оценка качества, рейтинги вузов, индекс цитирования, миссии университетов, соотношение преподавательской и исследовательской деятельности.

*A. E. Anisimova
PhD in cultural studies*

THE PROBLEM OF QUALITY AND PERSPECTIVES OF HIGHER EDUCATION IN THE DEVELOPING COUNTRIES OF ASIA

The rate position is a key factor in modern universities representation. Some Asian countries are aggressive in this struggle in finance and management context. Russian do some steps in global trend direction. But rating can influence negatively on regional university development. There are some universities in the world which don't compete in research successfully, but culturally significant. The question of science and teaching proportion is also discussed.

Keywords: higher education, quality evaluation, university rankings, citation index, university missions, research and teaching proportion.

Значение международных рейтингов для современного университета трудно переоценить, особенно в том случае, если университет претендует на лидирующее место в национальной системе высшего образования. Именно этот факт подталкивает администраторов университетов уделить особое внимание уровню цитируемости научных статей. Однако характерно, что вследствие указанной политики страдают такие ключевые виды университетской деятельности, как издательская деятельность и преподавание. Руководящие

органы современных университетов должны осознавать необходимость соблюдения баланса в управлении ввиду важности как среднесрочных, так и долгосрочных целей развития университета. Статья выносит на обсуждение проблему оценки качества высшего образования, прежде всего в развивающихся странах Азии.

Глобализация, захватившая систему образования, означает в том числе и глобальную конкуренцию вузов за лучшие ресурсы, лучших профессоров и лучших студентов. Все эти факторы, взятые вместе, позволяют

известным мировым вузам сохранять престиж, а некоторым «молодым» вузам его приобрести. На имидж учебного заведения необыкновенно сильно влияет его позиция в крупнейших мировых рейтингах.

В 2004 г. газета «Times higher education» совместно с британской компанией «Quacquarelli Symonds» (QS) стала ежегодно издавать мировые рейтинги вузов. Совместная работа продолжилась до 2009 г., когда газета «Times higher education» начала выпускать свои рейтинги совместно с корпорацией «Thomson Reuters». «Quacquarelli Symonds» также занялась выработкой новой методологии оценки вузов и приступила к составлению самостоятельных рейтингов. С 2008 г. QS совместно с южнокорейской газетой «The Chosun Ilbo» проводит рейтинги азиатских университетов. Кроме того, в Шайнхайском университете Китая с 2003 г. специалисты начали создавать свой подход к рейтингованию вузов и издавать самостоятельный рейтинг «Academic ranking of world universities». Таким образом, существующие на сегодняшний день три крупнейших рейтинга имеют в своей основе отличные подходы. Единственное, что их объединяет, это значимость некоторых наукометрических параметров, например, такого параметра как цитирование.

Идея подсчитывать количество цитирований отдельного произведения науки – научной статьи – принадлежит Е. Гарфильду (США). Около 1960 г., основав Институт научной информации, он начал проводить подсчет цитирований для каждой научной статьи, имеющейся в базах данных Института, независимо от характера цитирования (позитивного или критического). По его идее для массива информации общее количество цитирований каждой публикации позволяет судить о ее значимости для научного мира. Эта методика впервые позволила примерно соотнести авторитет исследователей, что было невозможно путем обычного подсчета числа публикаций каждого исследователя¹. Позднее, расширив базы данных, исследователи Института смогли провести оценку научного потенциала университетов и стран. Появилось понятие «высокоцитируемые статьи», охватывающие 1% наиболее цитируемых статей, а также понятие «высокоцитируемые исследователи».

Ранжирование университетов газеты «Times higher education» - Times higher education world university rankings – самое большое значение уделяет количеству цитирований (32,5% оценки). Корпорация

«Thomson Reuters» в настоящее время владеет известной поисковой платформой «Web of Science», объединяющей данные по публикациям в ведущих журналах мира², а также по их взаимному цитированию. По версии «Times higher education» в 2011 и 2012 г. наилучшим оказался Калифорнийский технологический институт.

Поскольку компания «Quacquarelli Symonds» создавалась с целью предоставления наиболее выгодных рабочих мест лучшим выпускникам университетов мира, она выработала свое видение проблемы качества образования. В ее собственном рейтинге параметр «трудоустройства» удостоился 10% веса. Индикатор цитирования в рейтинге QS занимает 20%. Наибольшим весом в QS обладает параметр Academic peer review (40%), фактически являющийся голосованием экспертов. Десятки тысяч специалистов из разных университетов мира выбирают 30 лучших университетов. Они имеют право называть любые университеты, кроме своего собственного. Международному сотрудничеству этот рейтинг придает такой же вес (5%), что и рейтинг Times. Лучшим в соответствии с этой методологией в 2011 г. оказался Кембриджский университет (Великобритания), а в 2012 г. – Массачусетский технологический институт.

Шанхайский рейтинг в большей мере, чем какой-либо другой, ориентирован на оценку академических успехов преподавателей университетов и их будущих выпускников. Методология, по которой собираются данные для этого рейтинга, не похожа на остальные подходы. 20% веса в оценке занимает число преподавателей – Нобелевских лауреатов и обладателей медали Филдса. Еще 10% веса занимают те же награды, полученные выпускниками вузов. 20% веса оценки определяет количество высокоцитируемых исследователей. Такое же значение придается публикациям в журналах «Science» или «Nature». 20% отводятся количеству цитирований в SCI и SSCI. С 2003 по 2012 г. первое место в этом высоконучном рейтинге неизменно занимает Гарвардский университет.

Анализ методологий оценки университетов, разработанных внутри трех крупнейших систем рейтингования, демонстрирует, насколько важен для современных систем оценки качества высшего образования такой параметр, как цитируемость. Современные университетские стратегии улучшения качества образования во многом поэтому опираются именно на этот параметр.

¹ Вопрос об экспертных оценках авторитета исследователей в настоящей статье не рассматривается. – Прим. авт.

² Из 30 тыс. научных журналов, существующих в мире, база данных WoS охватывает около 12 тыс. журналов. – Прим. авт.

Исследования последних лет наглядно демонстрируют, что многие азиатские страны не жалеют сил, чтобы повысить позиции своих университетов в мировых рейтингах. Некоторым развитым странам – крупным образовательным центрам – приходится в этой ситуации потесниться. В рейтинге «Times higher education» в 2008 г. в первые 200 вузов входило 58 вузов США, а в 2009 г. – уже только 54. Уступили свои позиции Канада и Германия. Что же касается Гонконга и Японии, то они сумели увеличить число своих вузов, вошедших в первые 200 вузов рейтинга [5]. В 2012 г. в мировых рейтингах QS и Times среди 50 лучших университетов мира присутствовали Национальный университет Сингапура и Пекинский университет. В рейтинг QS попал также Пхоханский университет науки и технологии из Южной Кореи (50 место).

За успехами азиатских стран, как правило, стоит продуманная политика их правительств, а также усилия управляющих университетами менеджеров. Так, в Китае на развитие и создание исследовательских университетов направлены государственные проекты: «Проект 211» и «Проект 985», в соответствии с которыми планировалось не только улучшить работу существующих университетов, но и создать заново 10–12 новых учебно-исследовательских центров. В Южной Корее еще в 1999 г. была запущена программа «Brain Korea 21», рассчитанная на 14 лет, с финансовым пакетом в 3,4 млрд. долл. Улучшить свое высшее образование пытаются и страны, чьи университеты пока не попадают в число лучших. Например, такой страной в азиатском регионе является Тайвань.

Аналогично другим азиатским странам Тайвань принял свой «План развития высококлассных университетов и высококачественных исследовательских центров», подразумевающий усиленное финансирование 12 лучших университетов с течение 2005–2014 гг. На десять указанных лет было выделено всего 32,8 млн. долл. На эти скромные средства планировалось решить узкий круг задач: усилить международный имидж университетов или увеличить численность публикаций ППС в иностранных журналах, входящих в базы данных SCI и SSCI. Анализ деятельности 12 университетов уже в первый год финансирования показал, что большинство из них сумели улучшить свои индикаторы цитируемости и международного сотрудничества [3].

Интересно рассмотреть пример Южной Кореи, поскольку эта страна в последнее время следует агрессивному сценарию возвращения университетов мирового класса. Как уже было сказано выше, в 2011 г. три

корейских университета вошли в первую сотню рейтинга QS, а два вошли в первую сотню рейтинга Times [3, с. 149]. Эти результаты явились следствием усиленного финансирования, которое корейское правительство выделяет на наиболее перспективные разработки начиная с 1999 г. В сумме затраты на проекты «Brain Korea 21» (1999–2012), «World-class university» (2008–2012), «Humanity Korea project» (2008–2015) и «Social science Korea» (2010–2019) составили 4745 млн. долл. [3, с. 152].

Начиная с 90-х годов XX в. существенно изменилась структура финансирования университетов. Базовое финансирование, по сути, осталось таким же, каким оно было прежде и не превышало 500 млн. долл. в год. Гораздо более значительные финансовые вливания университеты (в целом) получили по результатам своей деятельности – около 2500 млн. долл. в 2008 г. [4, с. 151]. Этот новый способ финансирования (evaluation-based) вынуждает университеты принимать новые условия игры всерьез. Одним таким университетом, глубоко вовлеченным в процесс реформирования, оказался Сеульский национальный университет. В рейтинге Times в 2011 г. он находился на 124 месте [4, с. 149]. На примере этого университета удобно рассмотреть, к каким последствиям приводит новая политика, ориентированная на улучшение позиции в международных рейтингах.

В 2008 г. в Сеульском национальном университете существенно увеличилось число приглашенных профессоров и достигло 10% профессорско-преподавательского состава. Увеличилось и число иностранных студентов. 13,9% выпускников были иностранными гражданами в 2008 г. по сравнению с 2,5% в 2000 г. В этой ситуации профессорам было предъявлено требование переводить свои курсы на английский язык. Так, в 2008 г. уже 558 курсов преподавались на английском языке.

Менеджеры университета обратили внимание на то, что участие в работе редколлегии университетского журнала, академической ассоциации, отнимает у исследователей много сил и негативно влияет на их публикационную активность, поэтому такого рода деятельность была признана нежелательной [4, с. 156].

Помимо того что участие в публикациях, индексируемых WoS, плохо влияет на такие виды деятельности университетских профессоров, как редакционная работа (в том случае, если издаваемые журналы не входят в список журналов WoS), организационная деятельность (организация семинаров, кон-

ференций), она негативно сказывается и на преподавательской деятельности, поскольку чем больше профессор публикуется, тем меньше времени у него остается на чтение лекций и консультации.

Баланс исследовательской и преподавательской деятельности сегодня является дискуссионным, поскольку требуется решить вопрос, какой специалист преподает лучше, тот, что имеет больше опыта работы со студентами, или же тот, что имеет возможность проводить исследования, находится на переднем крае науки. В нашем веке научные представления меняются с такой быстротой, что представить себе хорошего преподавателя, который не ведет серьезные исследования, практически невозможно, поэтому педагогическая специфика не имеет такого большого значения для развитых стран. Отчасти это и объясняет, что в системах рейтингования университетов значение публикаций намного превосходит важность индикаторов, определяющих эффективность преподавания.

Академические успехи университетских преподавателей во многом зависят от того, сколько времени у них остается на научные исследования. Если работа со студентами занимает большую часть рабочего времени, как в случае с российскими преподавателями, преподавательская нагрузка которых иногда достигает 800 часов в год (или 20 часов в неделю), то добиться результативной научной работы фактически невозможно. В разных странах существуют различные нормы распределения академической и преподавательской рабочей нагрузки. Почти во всех странах университетский ученый тратит больше времени на преподавание, чем на исследования (в среднем около 19 часов в неделю). Около 13 часов в среднем ему отводится на научную работу. Интересно, что в США на научную работу исследователи отводят меньше времени (12 часов), притом что их преподавательская нагрузка оказывается выше средней – 21 час в неделю [6]. Возможно, что именно условия труда и характер распределения нагрузки влияют на ухудшающиеся показатели научной продуктивности в США за последние годы.

Другие страны, например, Япония и Китай, предлагают своим ученым заниматься научной работой 17 и 14 часов в неделю соответственно. А на работу со студентами здесь отводится 20 и 19 часов. То есть неутомленный китайский профессор имеет фактическую возможность вести научную работу в течение 3 часов ежедневно.

Предположение, будто профессор, имеющий множество публикаций, скорее всего,

окажется лучшим преподавателем, имеет под собой основание. Но другой факт меняет постановку проблемы. Международный центр исследований высшего образования Кассельского университета в Германии провел в 2007–2008 гг. анкетирование высокоцитируемых профессоров Китая, Японии, Южной Кореи и Гонконга. Оно показало, что 10% исследователей с наибольшим числом статей (не менее 20 статей за последние три года) уделяют преподавательской деятельности меньше внимания [6].

Следует считаться с фактом, что на преподавательскую работу не всегда идут первоклассные ученые с мировым именем, и отказываться от уже работающих со студентами профессоров на основании их низкой научной продуктивности было бы не самым разумным решением. Правильно и то, что для обучения массовым профессиям, не опирающимся на научные исследования, показатель научной продуктивности значим в минимальной степени. Из этого следует важный вывод: система качества не исследовательских вузов должна отличаться от систем качества исследовательских вузов, иметь специфические критерии оценки деятельности ППС.

Наукометрические показатели адекватно описывают, в первую очередь, первоклассные исследовательские университеты, но в мире существует огромное количество важных по своей социальной функции университетов, которые в эту категорию не вписываются. И.Ф. Агилло и Э. Ордуныя-Малеа предлагают следующую классификацию университетов мира: университеты мирового класса, университеты национальной значимости и регионального уровня³. При этом каждая из групп характеризуется своим набором черт (табл. 1), определяющих методологию их оценивания [2].

³ Существуют и другие модели классификации университетов. Так, доктор Дж. Дугласс в своем выступлении на IV Международной конференции исследователей высшего образования, проходившей в НИУ Высшая школа экономики в Москве в 2013 г., сообщил, что в Калифорнии все университеты принято делить на исследовательские, те, которые готовят специалистов по массовым профессиям, и те, которые готовят квалифицированных исполнителей. Эта другая классификация, но она в той же мере, что и первая, делит университеты на исследовательские и неисследовательские. Причем значение последних очевидным образом в ней не уменьшается. Однако в случае, если финансовые средства распределять в точном соответствии с позицией в одном из указанных выше международных рейтингов, подобное произойдет неизбежно. – Прим. авт.

Таблица 1

Методология оценки университетов в зависимости от миссии университета

Миссии университетов	Исследования	Преподавание	Общественная роль	Трансфер технологий	Интернационализация
Университеты мирового класса	+++	++	+	+++	+++
Университеты национального уровня	++	+++	++	+++	++
Университеты регионального значения	+	+++	+++	+	+

Как видно, региональные вузы отличаются от исследовательских тем, что преподавательской активности в них уделяется большее внимание, чем исследовательской. Также важна их социальная, общественная роль на местном региональном уровне. Именно эти характеристики региональных вузов делают некорректной их оценку с точки зрения академических успехов.

В отдельных странах, в том числе и в России, существуют, например, педагогические высшие учебные заведения, которые в первую очередь призваны готовить школьных преподавателей и только во вторую очередь – исследователей. Эта проблема не получила широкого освещения в зарубежных работах, поскольку педагогических вузов в большинстве развитых стран нет. Нет там и такой специальности – педагог, есть лишь специалисты в различных областях, которые ведут преподавательскую деятельность. Для России же эта проблема крайне важна.

Россия, уступив за последние годы свои позиции в рейтинге «Times higher education», тем не менее пытается ввязаться в борьбу за более высокие места в мировых рейтингах. Такой важный параметр для всех существующих рейтингов, как цитирование публикаций, у России в плачевном состоянии. Россия – единственная из крупных научных держав мира, имеющая отрицательную динамику роста публикаций в период с 1995 по 2007 г. Важно отметить, что речь идет не о снижении доли в общемировом потоке (как в случае с США), а о падении абсолютного числа публикаций (с 18603 до 13953). В дальнейшем доля российских публикаций увеличилась и приблизилась к 2% в 2012 г. При незначительном числе публикаций вероятность роста числа высокоцитируемых статей остается крайне низкой. Для сравнения отметим, что в Китае доля публикаций выросла в период с 1998 по 2008 г. с 1,6 до

5,9% от мирового потока. Одновременно выросла и доля высокоцитируемых статей с 0,1 до 2,5%. В США за этот же период и доля публикаций в мировом потоке сократилась (с 34 до 28,9%), и доля высокоцитируемых статей уменьшилась с 62 до 51,6%.

В современной российской политике в области развития высшего образования прослеживаются признаки той же агрессивной модели, которые мы наблюдали на примере азиатских быстроразвивающихся стран. Например, в ряде университетов введены надбавки за публикации в журналах, индексируемых базами данных WoS или Scopus [1], произошло объединение ряда университетов регионального значения (в частности, этот процесс можно наблюдать на примере слияния педагогических вузов). Были предприняты попытки (пока несостоятельные) привлечь в крупные российские университеты иностранных профессоров. Однако на поверхность всплыли глубинные проблемы российского образования и науки, самая главная из которых – крайне низкое качество. Скандалы, разгоревшиеся за последний год вокруг работы Высшей аттестационной комиссии и диссертационных советов, заставляют задуматься, своевременно ли беспокойство российского Министерства науки и образования относительно усиления позиции российских вузов в мировых рейтингах?

Приведенные выше факты и соображения показывают, что исследования качества высшего образования, ставшего важным фактором национального и глобального развития, требуют разработки нового концептуального аппарата, новых критериев оценки и соотношения научной и преподавательской деятельности в вузах, новой методологии исследования динамики и функционирования высшей школы как особо значимого социального института, влияющего на структурные изменения в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркусова В., Либкинд А. Почем стоит опубликовать? Научное сотрудничество вузов и РАН в цифрах // Поиск. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/5988/>
2. Aguillo I.F., Orduña-Malea E. The ranking web and the «world-class» universities // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal // Eds. Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. – Sense publishers, 2013. – P. 197–217.
3. Dian-fu Chang, Cheng-ta Wu, Gregory S. Ching, Chia-wei Tang. An evaluation of the dynamics of the plan to develop first-class universities and top-level research centers in Taiwan // Asia Pacific educ. rev. – 2009. – N. 10. – P.

47–57.

4. Jung Cheol Shin, Yong Suk Jang. World-class university in Korea : Proactive government, responsive university, and procrastinating academics // Institutionalization of world-class university in global competition: The changing academy – the changing academic profession in international comparative perspective / Eds. Shin J.C., Kehm B.M. – Dordrecht: Springer science + Business media, 2013. – P. 147–163.
5. Mok K.H., Cheung A.B.L. Global aspirations and strategizing for world-class status: New form of politics in higher education governance in Hong Kong // Journal of higher education policy and management. – Routledge, 2011. – Vol. 33, N 3. – P. 231–251 p.
6. Postiglione G.A., Jung J. World-class university and Asia's top tier researchers // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal // Eds. Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. – Sense publishers, 2013. – P. 161–181.

REFERENCES

1. Markusova V., Libkind A. How much it cost to publish? Scientific cooperation of universities and Academy of Sciences in numbers. *Poisk - Search*, Moscow, 2013. – Available at: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/5988/> (accessed 25 October 2013).
2. Aguillo I.F., Orduña-Malea E. The ranking web and the «world-class» universities // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal // Eds. Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. – Sense publishers, 2013, pp. 197–217.
3. Dian-fu Chang, Cheng-ta Wu, Gregory S. Ching, Chia-wei Tang. An evaluation of the dynamics of the plan to develop first-class universities and top-level research centers in Taiwan // Asia Pacific educ. rev., 2009, no. 10. pp. 47–57.
4. Jung Cheol Shin, Yong Suk Jang. World-class university in Korea : Proactive government, responsive university, and procrastinating academics // Institutionalization of world-class university in global competition: The changing academy – the changing academic profession in international comparative perspective / Eds. Shin J.C., Kehm B.M. – Dordrecht: Springer science + Business media, 2013. pp.147–163.
5. Mok K.H., Cheung A.B.L. Global aspirations and strategizing for world-class status: New form of politics in higher education governance in Hong Kong // Journal of higher education policy and management. – Routledge, 2011. – Vol. 33, no.3. pp. 231–251.
6. Postiglione G.A., Jung J. World-class university and Asia's top tier researchers // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal // Eds. Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. – Sense publishers, 2013. pp.161–181.

Информация об авторе

Анисимова Алина Эмануиловна (Россия, г.Москва) – Кандидат культурологии, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: dvesti7@yandex.ru

Information about the author

Anisimova Alina Emanuilovna (Russia, Moscow) – PhD in cultural studies, senior research fellow. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). E-mail: dvesti7@yandex.ru